

A dramatic landscape featuring a valley with a river or path, surrounded by trees and mountains. The sky is filled with large, dark, and golden clouds, suggesting a storm or sunset. Two birds are flying in the center of the sky.

Максим Ильин

Здесь
был
ДОМОВОЙ

Максим Ильин
Здесь был домовой

«Автор»

2026

Ильин М. (.

Здесь был домовый / М. (. Ильин — «Автор», 2026

Что делать, если из сливного отверстия ванной вдруг начинает затягивать полотенца и шторы, а трубы говорят человеческим голосом? Двое детей знакомятся с таинственным существом первыми, дают ему имя — Эхо — и начинают дружбу, о которой пока не догадываются взрослые. Эхо — древнее и одинокое. Оно не помнит себя, меняет облик и возвращает всё, что получает: зло — злом, добро — добром. Рядом с ним — домовёнок Василёк, смешной и преданный хранитель сгоревшей квартиры. Вместе они — редкий магический союз, за которым охотятся чёрные колдуны. И теперь самому обычному отцу семейства, который привык решать проблемы страховками и переговорами, предстоит защитить новых друзей — пока его жена даже не подозревает, кто ещё живёт в их доме. Добрая, смешная и чуть-чуть страшная сказка для семейного чтения.

© Ильин М. (., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Максим Ильин

Здесь был домовой

Глава

Глава 1. Самый обычный день

Будильник зазвонил ровно в шесть сорок — монотонно и настойчиво, словно комар, который нашёл единственную щель в закрытом окне. Он не будоражил и не пугал, он просто требовал немедленного внимания. Рука сама нащупала кнопку, и в комнате снова стало тихо.

Александр сел на край кровати. Тело уже давно жило своей жизнью: вот ноги нащупали тапки, вот плечи расправились, вот голова сама собой качнулась — «да-да, помню, сегодня среда». Лицо ещё хранило тепло подушки, но автопилот уже включился.

Он прошёл на кухню. На ходу взял с сушки кружку, машинально глянул на стол. Там, как всегда по утрам, выстроился маленький натюрморт семейной жизни. Две кружки: одна с остатками вчерашнего кофе — его собственная, вторая — Катина, с разводами от чая на стенках. Дети бросали кружки там, где ели. А ели они, честно говоря, везде.

Рядом лежал наполовину съеденный бутерброд — с маслом и сыром, уже слегка заветренный. Скорее всего, Машин. Дима свои доедал всегда, а Маша имела привычку оставлять «чуть-чуть на потом». Это «потом» обычно и находил папа.

Из коридора долетели звуки: детский смех, топот босых ног, возня, визг — всё вперемешку.

— Дети, тихо! Папа ещё спит! — донёсся из ванной Катин голос, одновременно и строгий, и усталый.

Александр усмехнулся одними губами. Если бы она знала, что он уже пьёт холодный кофе и размышляет о том, какой сегодня длинный день...

Он глянул на календарь, потом механически поправил детские рисунки на холодильнике. Они всегда съезжали — то ли от хлопка дверцей, то ли магниты были слабоваты. Маша нарисовала то, о чём мечтала: замок с башенками, принцессу и лошадку с гривой из жёлтых ниток. Дима изобразил чёрную кляксу и с гордостью называл её «робот-убийца». Иногда — чёрную машину. Дима где-то прочитал, что чёрный цвет — магический и привлекательный, и теперь пользовался этим аргументом при любом удобном случае.

Александр открыл дневник в телефоне, посмотрел расписание. Кивнул себе: «Среда. Значит, сегодня тренировка у Димы. День будет длинный». Он закрыл телефон, и в этот момент в окно ударило утреннее солнце — ярко, по-осеннему низко, так что пришлось на секунду зажмуриться.

Где-то за кадром (а может, просто в голове) прозвучал незнакомый голос: «Для него всё только начиналось. Но он этого не знал».

На кухню вбежали дети. Дима — в футболке наизнанку, с влажными после умывания волосами. Маша — в пижаме с единорогами, растрёпанная до невозможности, будто подушка пыталась забрать её обратно в сон.

— Давайте, дети, потише, — сказал Александр с притворной строгостью.

— Ма-а-ам! Папа встал! — заорали они хором, перебивая друг друга.

Александр поморщился и повернулся в сторону коридора:

— Катя, разберись! Тут с ума сойдут.

Из дальней комнаты, сквозь шум воды и шорох щётки, раздался голос Кати — уже ближе, она вышла из ванной:

— Сейчас! Я Диме соберу портфель в школу и поглажу Маше платье. У неё сегодня репетиция перед выступлением в садике. Налей горячий шоколад и сделай по одному бутерброду.

Александр вздохнул. Открыл холодильник, достал хлеб, колбасу, сыр. Дети уже стояли у стола и смотрели на него так, словно от содержимого его рук зависело всё их будущее.

— Ну что, дети? Бутерброд с большим куском колбасы или с маленьким? — произнёс он, не оборачиваясь. — Пока есть выбор — выбирайте.

— С большим! И немного сыра! — откликнулись они тем самым хором, который одновременно и раздражал, и умилял.

Маша подошла и обняла его за талию, прижавшись щекой.

— Пап, ты самый вкусный бутерброд в мире делаешь. Ты это знаешь?

Александр усмехнулся и принялся резать колбасу.

— Догадываюсь. Если только я вам их делаю.

Он разложил бутерброды по тарелкам, поставил перед детьми. Добавил горячего шоколада в две кружки — уже не вчерашние, а свежие, пахнущие детством.

В этот момент в кухню вошла Катя. В одной руке — аккуратно сложенное Машино платье, в другой — портфель Димы. Вид у неё был занятой, но в глазах уже теплилось то спокойствие, которое она всегда приносила с собой, даже если вокруг творился хаос.

— Маша, носи платье. Дима, собирайся, мы выходим.

Дети допили шоколад и сорвались с мест. Начался утренний забег. Александр отхлебнул кофе — теперь уже не холодный, а вполне бодрящий — и почувствовал, как автопилот плавно передаёт управление живому человеку.

Через пятнадцать минут семья столпилась в прихожей. Дима застёгивал куртку с выражением «я уже взрослый, но молния всё ещё коварна». Маша крутилась перед зеркалом в новом платье, проверяя, как сидит подол. Катя листала телефон, сверяясь с графиком смен.

— Я сегодня никуда не спешу, — сказал Александр. — Развезу всех.

Катя подняла глаза. Удивилась.

— Точно? А как же работа?

— У меня первая встреча в одиннадцать. Успею.

Она пожала плечами — мол, бывает. Но в этом жесте сквозила лёгкая благодарность: утренние развозы обычно ложились на неё.

В машине всё пошло по привычному сценарию. Александр за рулём, Катя рядом, на заднем сиденье — персональный филиал детского сада и школы одновременно. Портфель Димы приоткрылся, из него торчала тетрадь с загнутым углом. Машина заколка валялась на сиденье, и Маша пыталась затолкать её обратно в волосы одной рукой, а второй держала куклу.

— Я работа забыл дома, — заявил Дима так, будто это было главной трагедией утра.

— А я всё взяла, на куклу будем в дочки-матери, — отозвалась Маша.

— Это скучно.

— Это лучше, чем совсем ни с чем!

Они пререкались беззлобно, даже привычно. Катя обернулась:

— Тихо. Успеете ещё.

Дети затихли ровно на секунду, переглянулись и снова зашептались. Александр посмотрел на них в зеркало заднего вида, и на его лице промелькнула тень улыбки.

«Дети были дружны. Брат и сестра — не ругались. Если хулиганили — то вместе. Родителям не жаловались друг на друга. Стояли горой». Это был тот самый голос, который временами появлялся словно из ниоткуда — не то внутренний наблюдатель, не то рассказчик, который знал эту семью чуть лучше, чем они сами себя.

Александр перевёл взгляд на дорогу. «Создавалось впечатление, что они не могут договориться между собой. Но не могли и расстаться».

Первая остановка — школа. Дима вылез, поправил портфель и, не оборачиваясь, двинулся ко входу.

— Пока, Дима! — Маша высунулась в окно почти по пояс.

— Пока! Не скучай! — Дима махнул рукой и прибавил шагу.

У садика Катя вышла, взяла Машу за руку. Маша обернулась, посмотрела на пустое заднее сиденье и вдруг погрузилась.

— Маш, пойдём. Вечером увидитесь, — мягко сказала Катя.

Маша кивнула и зашагала рядом с мамой — маленькая принцесса с растрёпанными волосами.

Последним пунктом была больница. Катя вышла, поправила форму.

— Если что — я на сутки. Забери детей сам, не забудь, я тебе позвоню, напомню.

— Хорошо.

Она наклонилась, поцеловала его в щеку и закрыла дверь.

Александр остался один в машине. Салон вдруг наполнился тишиной — той особенной тишиной, которая остаётся после детей. На заднем сиденье лежала скомканная салфетка, одинокая заколка без пары и, кажется, на пыльной обшивке кто-то нарисовал смайлик. Он посмотрел в зеркало заднего вида на пустое сиденье и замер на несколько секунд.

«Он считал, что всё циклично. Каждый день — карусель. Начинается одинаково. Заканчивается предсказуемо. Всё зависит от дня недели и месяца, в котором эта неделя».

Александр завёл машину и выехал со двора.

Самый обычный день катился по рельсам привычного расписания.

Но где-то в недрах дома, в тишине оставленной квартиры, уже зашевелилось то, что не имело ни расписания, ни формы...

Квартира встретила Александра тишиной. Настоящей, глубокой — той, которая бывает только в пустом доме, где ещё час назад кипела жизнь. Он сел в кресло, взял телефон. На экране — документы, цифры, графики. По телевизору тихо играл музыкальный канал: незатейливая мелодия, мелькающие цифры «DJ ХАМ 77», яркие вспышки света. Александр листал информацию, сосредоточенно хмурясь.

И вдруг — звук.

Странный. Не из телевизора. Откуда-то из глубины квартиры: то ли с кухни, то ли из ванной, то ли из коридора. Александр поднял голову, прислушался. Телевизор продолжал играть. Звук шёл не оттуда.

Он встал.

«Он подумал, что забыл выключить телевизор на кухне. Или он сам включился. Такое иногда происходило — кто-то из детей ставил таймер».

На кухне было тихо. Телевизор над холодильником — маленький, старенький — стоял чёрным экраном. Звук между тем стал ближе. Он шёл из ванной.

Александр толкнул дверь и замер на пороге.

Бельё, которое Катя повесила сушиться над ванной, медленно, но верно затягивало в сливное отверстие. Не падало. Не соскальзывало. Именно затягивало — словно кто-то невидимый, но очень настойчивый тянул его изнутри. Александр схватил бельё и потянул на себя. Оно поддавалось не сразу — пришлось приложить усилие. Он вынул его и начал перекладывать в таз, стоявший тут же. Но стоило положить бельё в раковину, как и оттуда потянуло сквозняком — теперь уже в слив раковины.

Александр выхватил таз, переложил всё туда. Отошёл на шаг. Постоял, глядя то на слив ванны, то на слив раковины. Сердце колотилось, но не от страха — от какого-то странного узнавания.

«Противостояние».

«Александр прекрасно знал, что это такое».

Перед глазами всплыла картинка из далёкого прошлого — так ясно, будто это было вчера.

Лагерь «Свобода». Табличка на въезде с облупившейся краской. Краина города, где свобода для ребёнка заканчивалась ровно там, где начиналась территория лагеря. Вожатые с серьёзными лицами — ни дать ни взять надзиратели. Утренняя зарядка на пыльной площадке, подростки делают упражнения без всякого энтузиазма, и только один паренёк среди них улыбается.

Это он сам. Четырнадцать лет.

Перетягивание каната. Индивидуальное. Канат толстый, узловатый, врезается в ладони. Напротив — соперник крупнее и тяжелее. Александр тянет. Лицо напряжено. Руки обмотаны канатом, зубы стиснуты. Медленно, неуклонно он перетягивает противника. Победа. Пьедестал. Медаль на груди. Солнце светит в глаза, он стоит, чуть улыбаясь, а за спиной — та самая табличка «СВОБОДА!» на размытом фоне.

Александр моргнул. Вернулся в настоящее.

В руках — таз с бельём. Он поставил его на стиральную машину, отряхнул руки. Посмотрел на сливные отверстия — теперь они молчали.

«Он никогда не знал, как это может пригодиться в жизни. А сейчас — пригодилось».

День покатился дальше. Александр ехал по городу, и мысли его текли в такт светофорам.

«По своей работе Александр встречался с абсолютно разными людьми».

Перед глазами замелькали лица — калейдоскоп клиентов последних месяцев. Офис с дорогим ремонтом, мужчина в костюме подписывает документы не глядя. Квартира в творче-

ском беспорядке, художник в краске машет рукой, Александр кивает. Кабинет с портретами на стенах, политик ставит подпись. Комната с благовониями, женщина с картами Таро протягивает руку за ручкой. Приёмная, крупный мужчина в кожаном пальто, рядом двое таких же — Александр спокойно объясняет условия.

«Творческие. Политики. Колдуны. Целители. Гадалки. Даже бандиты».

Каждый кивает. Подписывает. Александр закрывает папку.

«Но сегодня встреча не предвещала ничего особенного».

Он сверился с навигатором и свернул во двор старого дома.

«Он не знал человека, с которым сегодня встречался. Чем он занимается. Кто он. Просто хотел застраховать его квартиру. Большую и мрачную, по словам коллег — тех, кто уже пытался это сделать».

Александр припарковался, вышел из машины и поднял голову. Дом был старый, ещё царской постройки, с тяжёлой лепниной и тёмными окнами. Что-то в нём было такое, от чего хотелось говорить шёпотом.

«Переговоры проходили прямо в этой квартире. Что сулило Александру приличные бонусы».

Он толкнул дверь парадной, и его сразу сбил запах — густой, плотный, запах старости и чужой, давно прожитой жизни. Дверь за спиной закрылась с глухим стуком.

Александр поднялся на третий этаж и вышел из лифта. Остановился у двери. Привёл мысли в порядок. Поправил галстук.

Дверь открылась сама.

На пороге стоял пожилой мужчина. Лет под семьдесят. Сухой, подтянутый, с внимательными глазами. Одет строго, в старом стиле.

— А я вас жду, — произнёс он спокойно. — Я слышал, как вы в парадную входили.

Александр слегка растерялся. Что-то в этом человеке было неуловимо знакомое. Голос, манера говорить... Он замер, пытаясь вспомнить. И вдруг осознал: очень похоже на Воланда из сериала «Мастер и Маргарита» — того самого, с пронзительным взглядом и интонацией, от которой мороз по коже. Только здесь не было угрозы. Скорее — живое, острое любопытство.

Мужчина заметил его колебание.

— Проходите. Не в пороге же нам общаться, — проговорил он сухо, но без неприязни.

Александр сделал шаг внутрь. За его спиной дверь закрылась, и три замка один за другим глухо щёлкнули, отсекая шум подъезда.

— Пока ваш «брат» ходит ко мне, мне есть с кем пообщаться, — сказал хозяин квартиры, не оборачиваясь. — Скучно старикам одним.

Александр непонимающе смотрел ему в спину.

Мужчина повернулся и протянул руку:

— Меня зовут Самуил Яковлевич. Фамилия — Сосна. Она не родная, но я привык.

— Александр Максимович, — ответил он, пожимая сухую, крепкую ладонь.

Лёгкая тень улыбки скользнула по лицу Самуила Яковлевича.

— Проходите. Стол накрыт.

Комната, в которую он провёл гостя, была под стать дому: большая, полумрачная, с тяжёлыми шторами и массивной мебелью. На стенах — картины в тёмных багетах. В углу — высокие напольные часы, отсчитывающие время с густым, низким звуком, похожим на удары сердца. На столе — скатерть, серебряная посуда, свечи. Две тарелки. И чайник — старый, советский, из нержавеющей стали, который на этом фоне смотрелся почти вызывающе.

— Вы, наверное, голодны с дороги? — спросил Самуил Яковлевич и указал на стул.

Александр опустился на стул, стараясь не выдать удивления. Вся посуда на столе была из серебра — даже маслёнка. На этом фоне старый советский чайник из нержавеющей стали выглядел как случайный гость из другой эпохи, но хозяина это, кажется, нисколько не смущало. На столе лежали нарезанный чёрный и белый хлеб, печенье, конфеты, карамельки — всё необходимое для долгого, неспешного чаепития.

Самуил Яковлевич разлил чай по чашкам и сел напротив.

— Я предпочитаю чёрный хлеб, — сказал он. — А вы можете брать любой.

Александр взял кусок белого, положил масла.

— Самуил Яковлевич, давайте обсудим страховку. Квартира большая, я подготовил...

Он не договорил. Старик мягко, но не терпящим возражений жестом остановил его:

— Не спешите, молодой человек. Мы успеем к этому вопросу вернуться. Давайте сначала спокойно посидим. Покушаем. Побеседуем о погоде. О том, что творится в стране, в мире.

Александр кивнул и откусил бутерброд. Возражать не хотелось. Здесь, в этом полумраке, под мерный стук маятника, спешка казалась чем-то неуместным, почти неприличным.

Часы отсчитывали секунды. Серебро мягко блестело в свете свечей. Разговор тек неторопливо: о погоде, о ценах, о том, куда катится мир. Александр и сам не заметил, как напряжённость отпустила плечи. Он расслабился — впервые за день по-настоящему.

И тогда Самуил Яковлевич, словно между прочим, обронил:

— Я когда-то был практиком.

Александр поднял глаза:

— В каком смысле?

— Видел умершие души. Слышал их. Мог общаться. С посторонними силами тоже пересекался.

Повисла пауза. Александр не знал, шутит хозяин или нет. Но лицо старика оставалось совершенно серьёзным.

— Но это всё в прошлом. Здоровья осталось не так много. Решил пожить для себя. Не тратить силы на других.

Александр молча допил чай. В голову вдруг полезло утреннее — бельё, затянутое в слив, сопротивление, которое он почувствовал, когда тянул его обратно. Он и сам не понял, как начал рассказывать. Про ванну. Про раковину. Про то, как воздух закручивался вокруг отверстий. Про то, что это не могло быть простым сквозняком.

Самуил Яковлевич слушал, не перебивая. Глаза его становились всё внимательнее.

— Так-так-так... — медленно произнёс он, отставляя чашку. — Это похоже на одно явление. Очень редкое. Я сам с похожим сталкивался. Один раз. И было это очень давно.

Маятник качнулся, отсёк секунду.

— Знаете что, Александр Максимович?

— Что?

— Приходите ко мне ещё раз. Тогда и поговорим о страховке. И об этом случае. — Он чуть наклонился вперёд. — А пока — понаблюдайте. Что дальше будет происходить. И с этим — ко мне. В мыслях.

Александр кивнул, хоть и не вполне понимал, на что соглашается. Что-то в голосе старика не позволяло ни спорить, ни уточнять. Только принять.

Самуил Яковлевич проводил его до двери. Лицо оставалось спокойным, но в глазах плескался живой, почти юношеский интерес — тот самый, который он, кажется, сам в себе уже не ожидал найти.

— До свидания. Буду ждать.

Александр вышел в подъезд. За спиной щёлкнули три замка.

Он постоял немного, моргнул. Потом посмотрел на часы — и не поверил. Прошло несколько часов. Как? Когда? Разговор тянулся плавно, но чтобы настолько...

Телефон зазвонил, и на экране высветилось: «Катя».

— Ты не забыл про Димку? Его нужно встретить из школы.

— Да-да-да, помню, помню. Бегу уже. Лечу.

Он ускорил шаг, уже понимая, что не успевает. Пришлось звонить маме. Наталья Михайловна, конечно, поворчала для порядка, но согласилась встретить внука.

Через полчаса Александр подъехал к своему дому. У подъезда стояли мама и Дима. Наталья Михайловна — бодрая, с улыбкой, но с тем самым взглядом, который говорил: «Расскажешь потом, что за дела такие». Дима — с портфелем наперевес, деловитый и немного гордый тем, что его встретила бабушка.

— Ну что, сын? Как отучился? Меня не вызывают? — Александр подмигнул.

— Нет, пап. У меня только пятёрки. Ты же знаешь.

— Эх, хоть бы одну двойку получил.

— Пап, я слишком ленивый, чтобы получать двойки.

Все рассмеялись. Наталья Михайловна рассказала про деда, который ковыряется со своей старой «Победой» и спускает в неё всю пенсию, потому что «внук вырастет — поймёт, на раритете будет ездить». Александр улыбался, слушая знакомые жалобы, и чувствовал, как мир снова становится на свои места.

Но ровно до того момента, как они с Димой вошли в квартиру и он вспомнил: утром над ванной висело полотенце Кати. И сейчас его там не было.

Он проверил. В сливном отверстии белела только бирка.

«Он понял: этим не обойдётся. Что-то будет происходить в ближайшее время. Он не знал, стоит ли рассказывать это Кате. Стоит ли посвящать детей. Решил: пойдёт к Самуилу Яковлевичу. Завтра».

А в детской в это время Дима и Маша, вернувшись из садика позже, уже шептались о своём. Они слышали что-то в ванной. Станный гул, голос, повторяющий слова. И теперь, лёжа в кроватях, думали об одном и том же: «Сами разберёмся».

Самый обычный день закончился. Началась совсем другая история.

Глава 2. Гость, который ждал

Ночью Александр проснулся от шума.

Было далеко за полночь. Дети давно спали, Катя осталась на сутках. Он сидел за столом в гостиной, разбирал бумаги, готовился к очередной встрече — и вдруг услышал. Шум доносился из ванной. Не громкий, но настойчивый, какой-то влажный, всасывающий.

Он осторожно подошёл к двери, приоткрыл её.

В темноте ванной слабо светились дренажные отверстия — и в раковине, и в ванне. Воздух закручивался вокруг них, словно две невидимые воронки набирали силу. Диаметр их увеличивался на глазах.

«Они как пылесосы раскручивали воздух вокруг отверстий, увеличивая диаметр. Чтобы что-то засосать».

Александр на цыпочках сходил на кухню, взял две крышки от кастрюль и вернулся. Бросил одну в ванну, вторую — в раковину. Крышки прилипли ко дну с глухим стуком. Свист стал пронзительным — ветер всасывало в узкую щель между крышкой и краем. Крышки начало вминать внутрь.

И вдруг всё стихло. Разом. Будто выключили.

В наступившей тишине Александр огляделся и только тут заметил: нет шторки. Той самой, которую Катя повесила на прошлой неделе. Он смотрел на пустой карниз и думал только об одном: «Как я это объясню Кате?»

Потом наклонился к отверстию и тихо спросил:

— Кто здесь? Что происходит? Что вам надо?

Никто не ответил.

Он ещё постоял, взял помятые крышки, повертел в руках. Происходящее не укладывалось в голове. В конце концов он просто сел на край ванны и сидел так минут десять, глядя то на молчащие сливы, то на пустой карниз.

Утро началось по расписанию, но автопилот дал сбой. Александр разбудил детей, быстро собрал, отвёз Диму в школу, Машу в садик — и почти сразу, не возвращаясь домой, набрал номер Самуила Яковлевича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.